

ТАТЬЯНА МАСС

Шартрёз

ПОВЕСТЬ

Татьяна Масс
Шартрёз. Повесть

«Издательские решения»

Масс Т.

Шартрёз. Повесть / Т. Масс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853708-0

«Всѣ посвященныя въ дѣло монахи подъ клятвой обязуются хранить до гроба свой секретъ и только при такихъ условіяхъ картезианскій орденъ можетъ собирать несмѣтный доходъ отъ продажи Шартреза.» «Ресторанное дѣло» №3, 20-е марта 1913 г.*** «Ирина — зеленоглазая женщина, с судьбой сожѣнной на костре ведьмы, придумавшей рецепт Шартрёза. Вместо костра инквизиции она горела на костре самоволия: жжѣт не хуже и убивает так же мучительно.»*** Иллюстрация: Д. Кольер. «Бокал вина от Чезаре Борджиа». 1893

ISBN 978-5-44-853708-0

© Масс Т.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Русский картезианец	6
Предисловие	6
I	9
II	11
III	13
IV	17
V	20
VI	21
VII	22
VIII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шартрëз Повесть

Татьяна Масс

Редактор Александр Рубин

© Татьяна Масс, 2017

ISBN 978-5-4485-3708-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Русский картезианец

*«Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег».*

Александр Сергеевич Пушкин

Предисловие

Франция. Монастырь *Гранд-Шартрёз*. Ночь. В кубикule русского монаха горит свеча. У стены – альков с постелью, у двери встроенный в стену алтарь, с православными иконами. Дощатый пол перед алтарём за века отполирован до янтарного блеска коленями молящихся здесь монахов. Вся мебель в келье, как и во всём монастыре, сработана руками братьев-картезианцев, и на ней отпечаток аскетического отношения к земному комфорту. В центре кельи небольшая чугунная печка, похожая на те, что в России называются *буржуйками*.

Высокий худой монах стоит на коленях перед маленьким алтарём и молится.

Светает. Раздаётся звук колокола, призывающего картезианцев на молитву. Монах поднимается с колен, собирается выйти.

В дверь стучат. На пороге женщина.

Одновременно:

Он: Приехала!

Она: Сынок!

Молчат, потрясённые встречей.

Сын: Как ты добралась?

Она: Быстро. Две с половиной тысячи километров за три часа.

Оба говорят и в то же время как будто присматриваются друг к другу. Мать гладит его по плечу. Потом говорит тихо:

– Ну, здравствуй, сынок.

Сын, после паузы: Мама, здравствуй...

Мать оглядывается по сторонам, стараясь скрыть слёзы: Тут ты и живёшь? Покажи мне свою келью.

Сын: Да, здесь я и живу. Ложимся спать поздно вечером по звону колокола, ночью встаём на молитву несколько раз, утром колокол собирает опять на общую молитву. Жизнь здесь как будто очень похожа на тюремное заключение, но только в монастыре она совершается по доброй воле. Там, на втором этаже у меня маленькая молельня «Аве Мария», называем её так по молитве, которую нужно читать всякий раз, входя в неё. Там же чулан, который приспособлен под рабочий кабинет. Внизу дровяной сарай и мастерская, где каждый брат два-три часа в день занимается ручным трудом. Для нас это просто развлечение. Это необязательная работа.

Мать: А там из окна вижу садик?

Сын: Да, садик. У всех моих соседей садики ухоженные – они каждый день проводят несколько часов за садовыми работами. У западных людей больше дисциплины. Мой садик заброшен.

Мать: Там только камни и трава...

Пауза.

Сын: Я должен сразу попросить у тебя прощения. Я бросил тебя, уехал и скрылся. Все эти годы мне было так тяжело от этого. Ты вначале даже не знала, где я...

Мать (перебивая): Скажи, Андрюша, ты счастлив?

Сын: Мама, да разве в этом дело?

Мать: Для матери – да. Когда я была беременна, я молилась, чтобы ты, которого я не знала, но уже любила, чтобы ты был счастлив. А иначе зачем женщинам было бы рожать детей?

Сын: Какую тяжёлую обязанность ты возложила на меня – быть счастливым, мама... (*подойдя к ней и целуя ей руку*). Я должен тебе многое рассказать.

Мать: Я почти всё знаю.

Сын: Откуда?

Мать: Я думала о тебе дни и ночи – и постепенно вся твоя жизнь мне стала понятной. Я знаю всех твоих соседей – монахов-картезианцев, знаю, что ты не ешь мяса. А когда ты поменял келью, в новой у тебя была плохая печь. Она дымила.

Сын: Правда, дымила... Матери часто из-за подробностей упускают главное. Так было и в детстве, когда я влюбился в соседскую девочку, а ты думала, что я сержусь потому, что ты не можешь купить мне новые джинсы.

Мать: Я знала сынок, что ты влюбился в ту девочку. Поэтому и хотела подарить тебе модную одежку. Хотела, но не смогла.

Сын: Но давай поговорим о главном. У нас не так уж много времени. Я должен всё объяснить тебе, рассказать, почему я здесь.

Мать подходит к окну: Красиво тут у вас... Андрюша, ты выбрал путь монашества. Это случается сегодня. Но почему, именно католический монастырь? И во Франции? Почему ты сделал такой выбор?

Сын: Я не выбирал, мама... Меня выбрали...

Россия. У Лукоморья. Суйда. Зима 1995 года

Завклубом – высокий худой парень 20 лет – повесил замок на дверь клуба. На морозе железный замок клеился к пальцам. Недовольные ранним закрытием, парни в одинаковых чёрных полушубках хмуро курили у крыльца. Цедили сердитые слова, как бы между собой, но так, чтоб завклубом услышал.

– Завтра подольше потанцуете, – пообещал им Андрей, и, не отвечая на колючие слова вдогонку, заспешил домой по утоптаным дорожкам, поскользываясь задеревеневшими на морозе ботинками. Шарфа и рукавиц на нём не было: дом-то рядом. Из старого драпового пальто торчали шея и покрасневшие руки.

– И как не скучно им каждый вечер в этот клуб-то тащиться! Ганнибалово потомство! – на бегу стучал зубами от холода Андрей. Работал он завклубом полгода, вернувшись домой после армии, но эта обязанность – ежевечерне, кроме понедельника, открывать клуб, уже не казалась ему такой лёгкой и ни к чему не обязывающей, как вначале. Каждый вечер ему приходилось бросать свои дела и бежать в клуб. Сидеть там часа три, а по выходным и праздникам и того больше, глядя на куражистые токования местной молодёжи под громкую надоедливую музыку.

Из-за этой работы, которая давала не деньги, а запись в трудовой книжке, он не мог продолжать учёбу в университете на вечернем отделении исторического факультета. Пришлось перевестись на заочное. А чтобы ему ездить в Питер на конференции музейщиков, открывать-закрывать клуб приходилось его матери, проживающей с отчимом Андрея в районном центре. В такие дни мать приезжала из Гатчины в Суйду, оставляя дома своего мужа, недовольного тем, что ему самому придётся греть ужин и накрывать на стол. Андрей после замужества матери третий год жил отдельно, в Суйде, в деревянном доме, доставшемся ему по наследству от деда.

Сегодня утром ему позвонил Озеров, руководитель его дипломной работы, и сказал, что для него – Андрея – есть работа. Уточнил адрес и попросил быть дома после 20 часов. Сказал, что заедет с важным человеком.

I

Преподаватель, доцент Петербургского университета, тот самый, что позвонил Андрею, сидел в пивном баре на Васильевском Острове с невысоким мышластым человеком в тёртой кожаной куртке. Преподаватель докладывал об Андрее, а тот слушал как будто невнимательно, глядя в сторону. Отрешённый вид его мог сбить с толку хоть тюремного надзирателя. На коротких волосатых пальцах был вытатуирован слоган, то есть девиз: «Найду – убью!»

Когда доцент замолчал, мышластый встал и сказал:

– Поехали посмотрим, наконец, этого пацана.

На сером «Вольво», то и дело буксующем за городом в снежных заносах, приехали в Суйду. Темнело. Деревня или, точнее, посёлок неподалёку от Гатчины светился маленькими окошками в кособоких деревянных домах. Сосны чуть качали занесёнными снегом кронами. Было тихо. Оставив машину на улице, вошли в проулок и постучали в дверь, покрашенную, наверное, ещё при царе Горохе голубой краской. Андрей, пригнувшись, чтоб не удариться лбом о низкую притолоку, выглянул из дома. Узнав доцента, пригласил войти, на мгновение поколебавшись при виде его спутника.

В доме стоял нажитой запах человеческого жилья. Подпахивало то ли прелыми носками, то ли разваренной картошкой. Из крохотного коридора гости протиснулись в комнату – залу, где на столе лежали газетные вырезки и картинки. На стене висели разнообразные портреты Пушкина, также вырезанные из журналов и вклеенные в самодельные рамочки. Хозяин – он был в застиранных брюках, потерявших цвет, в тёмном вытянутом свитере и в тёплых стариковских шлёпанцах, молча сел за стол и в ожидании посмотрел на гостей. Они постояли перед ним, не зная, как им тут разместиться.

– Ну, чё ты тут мизансцены нам строишь? – спросил не зло мышластый. И сел на диван, отодвинув рукой кучу старых журналов, наваленных и там. Доцент Озеров, с чувством неловкости, которое он прикрывал улыбкой, опустился рядом.

– Андрей, вот тебе хорошее дело. За границу нужно ехать.

– Куда?

– Во Францию. Он, – обратился доцент к мышластому, – собирается здесь, в Суйде, открыть музей. А денег нет. Ему остаётся их только заработать.

– Какой музей тут можно открыть? Советского зодчества? – усмехнулся мышластый.

– А вы петербуржец? – спросил у него Андрей.

– Нет, я из другого городка.

– Суйда – это знаменитое место.

– А чем же оно знаменито?

– Эта деревня в XVIII веке вместе с крепостными принадлежала прадеду Пушкина – Ганнибалу. В этом имении гостили родители поэта, знал Суйду и сам Александр Сергеевич. Помните стихи:

*У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том
И днём и ночью кот учёный.*

– Слушай, кот ты наш учёный, давай короче! – попросил мышластый.

– Именно здесь находится это место. Лукоморье, – закруглился парень. И сказал, как будто ни к кому не обращаясь:

– Странно, как некоторые люди не могут слышать стихов (сказал по-французски).

Доцент при этом сделал многозначительную гримасу мышластому.

– Тебя как зовут-то? – спросил тот у парня.

– Андреем.

– Андрей, так значит, говоришь по-французски? – мышластый подошёл к столу и облокотился о него двумя руками, нависнув над парнем.

– Учил в школе, в институте. Из-за Пушкина выучил.

– Из-за кого?!

– Да нет, ничего... чтоб эпиграммы разбирать...

– А я только *бонжур, мерси, мадам*, ну и ещё: *же не манж па сис жур*, – мимоходом сказал мышластый, думая о другом.

– Вот такое дело, Андрюша. Я сам не знаю или не хочу знать, в чём состоит работа, – заговорил вдруг совсем по-другому – жёстко и деловито – мышластый. – Моё дело – найти для моего шефа человека, который говорит по-французски. И который согласился бы съездить во Францию. Срок – поездки – уточнит для тебя шеф. Кстати, загранпаспорт есть у тебя?

– Нет.

– Ну да, *откудова* у вас, бедных французов, деньги, – не отказал себе в удовольствии поиграть лицом мышластый.

Он вышел позвонить, а Андрей спросил доцента:

– Разве трудно сегодня найти человека, который говорит по-французски? Почему именно я?

– Ну так и радуйся, что именно ты! – успокоил его доцент. – С тебя сувенир из Франции.

– Так, господа, едем-с в Питер, оденься поприличнее что-ли, – быстро осмотрел одежду Андрея мышластый. К большому человеку тебя везу.

II

На Мойке, в центре Питера, они остановились возле освещённого подъезда. То ли офис, то ли жильё – понять было невозможно. Камеры слежения, охрана на улице. Два телохранителя выглянули из двери – подкачанные, в костюмах, одинаковые на лицо.

«Двое из ларца, – подумал Андрей. – А кто в ларце? Или что? Такое богатое и опасное? А вдруг меня убьют сейчас? Тайну мне откроют, а потом поймут, что я им не подхожу?»

– Выходи, приехали, – открыл дверь мышластый.

Его ввели в дом и поставили перед дверью. Ожидая, он хотел было помолиться, но вместо молитвы всё шло на ум стихи:

*«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана.»*

Повторил раз пять, пока дверь отворилась.

– Иди, – легко толкнул его в спину мышластый.

В огромном кабинете сидела за старинным бюро женщина. Пока Андрей шёл до кресла, приставленного к её столу, она внимательно рассматривала его.

«Совсем другая жизнь, другое измерение», – не подумал, а почувствовал Андрей, увидев вдруг свои застиранные коротковатые брюки и дерматиновые утюгообразные ботинки, ужаснувшие его реальностью своего существования.

– Здравствуйте, – кивнул он.

– Садись, – разрешила она.

Андрей опустился в кресло напротив неё с обречённым видом. Его пугала скорость, с которой собиралась перемениться его жизнь – работа, деньги, Франция... Зачем?

Вблизи она была старше, чем издали. Лет сорок. Царица. Красоты русской, тёплой, манящей, опасной. Андрей, монах от литературы, женщин опасался, зная, что не время ему сейчас ими увлекаться. Красота и богатство его пугали, как и многих других, живущих в 1990-е годы в России. И против этой царь-бабы ему нужно держать крепкую оборону.

– Расскажи мне о себе, – попросила, нет, приказала она.

– Я закончил университет, историческое отделение, год отслужил в армии, этой осенью демобилизовался по состоянию здоровья – я там простудил почки, ну и вот, сейчас живу в Суйде, где и родился. Работаю заведующим местным клубом. Открываю-закрываю танцы по вечерам. Кроме понедельника.

– А что за музей ты хочешь открывать?

– Музей-усадьбу прадеда Пушкина Ганнибала. Помните Арапа Петра Великого? Он жил в Суйде, там было его имение, там же родились его дети от второй жены, немки.

– Той самой, которая говорила: *«шёрный шорт»* делает мне *«шёрных робят»*, – улыбнулась женщина.

– Да и от которых потом родился Пушкин... Место это нужно спасти, пока не поздно. В господской усадьбе сегодня администрация сидит. На бывшем кладбище сажают картофель. Сорт *Ганнибал*. Представить невозможно! На могиле-то Ганнибала самое то картошку *Ганнибал* выращивать.

– Да уж, памятник нерукотворный, – усмехнулась женщина.

– Диван – знаменитый каменный диван уже устали таскать по всей Суйде. Хотят его так пристроить, чтоб туристы не ходили и не видели лишнего. Дуб, на котором висит табличка *«У Лукоморья дуб зелёный»* – уже не тот же самый дуб, про который Пушкин эти стихи писал.

– Ну и что бы ты сделал там, будь твоя воля?

Андрей помолчал:

– Александр Сергеевич Пушкин – наш великий поэт, русский гений. Таких больше нет. Думаете, зря Окуджава пропел: «*А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем поужинать в Ярë заскочить хоть на четверть часа*»? За четверть часа с Пушкиным – я бы полжизни отдал... Мы должны каждую пылинку, имеющую отношение к Пушкину, сохранить. Я бы всё сохранил, что ещё можно найти и что ещё не растащено и не разрушено. Нужно как можно быстрее создавать музей Суйды. Где будут собраны вещи, картины, фотографии, материалы, портреты – всё, что имеет отношение к суйдинской жизни Пушкина и его семьи.

– А сколько тебе нужно денег на такой музей?

– На сегодняшний день эта сумма огромная. Потому что придётся строить отдельное помещение под музей.

– Ну и?

Прежде чем назвать сумму, Андрей ссутулился и неловко поджал под себя ноги.

– ... 37 тысяч долларов.

III

– Ты мечтатель... – поверхностно как-то сказала женщина. – Есть и у меня мечта. Знаешь, всё будет не мило мне, пока не добьюсь этой мечты.

Она подошла к бару, достала початую бутылку, наполнила хрустальную стопку тяжёлой маслянистой жидкостью зелёного цвета и подала Андрею.

Андрей пригубил из стопки, вдохнув травянистый запах и обжёгшись его крепостью. Напиток был очень крепкий – почти спирт. Закусить было нечем.

– Пей до конца! – приказала Ирина, с насмешкой глядя на его гримасы непьющего человека.

– Это «Шартрёз» – французский ликёр. Прочитай, что написано на этикетке, – протянула ему бутылку. Андрей, едва переведя дух, прочитал по-французски:

– Удостоверено, что произведено монахами. Что-ж они так крепко делают? – удивился он. – Не хуже нашей водки!

– Хочешь расскажу тебе занятную историю? – затаившись сигаретой и затем отмахиваясь от дыма, спросила Ирина.

Рассказ Ирины

– История эта случилась во времена царя Гороха, то бишь, Леонида Ильича Брежнева. В те времена я, моя мама-учительница и папа-инженер жили в коммуналке на 6 семей на Петроградской Стороне. Что такое коммуналка на 6 семей, рассказывать тебе не буду, потому что ты сам знаешь: общий туалет, кухня, пропахшая помойными вёдрами – уточню, шестью помойными вёдрами и вечным запахом жареной рыбы. Про очереди в умывальник по утрам – тоже не буду рассказывать, а то глядишь, ещё заплачу. Так вот, жил у нас в этой общей квартире сосед – с женой и дочкой. Работал конструктором в научно-исследовательском институте, стоял в очереди на отдельную квартиру – как и все наши соседи. Отдельная квартира – это была общая мечта всей нашей коммуналки, как впрочем и всех других коммуналок в СССР. Многие из этой очереди, как рождались, так и умирали в коммуналках, не дождавшись собственного туалета и ванны. И вот нашего соседа-конструктора за какие-то заслуги решили отправить в командировку во Францию. Вся наша общая кухня всполошилась, чуть не умерев от зависти. Соседки перешёптывались и давали советы, как с пользой провести свободное от служебных обязанностей время в Париже: на что посмотреть, что купить и что попробовать... Сосед – он был педант – даже составил список главных дел во Франции, чтоб не пропустить ничего важного: 1) подняться на Эйфелеву башню; 2) выпить кофе на Монмартре; 3) попробовать ликёр «Шартрёз»; 4) посетить Лувр и собор Парижской Богоматери... Третий пункт всех наших соседей несказанно удивил: все знали, что «Шартрёз» – это такой зелёный ликёр, который продаётся в нашем винном магазине. Зачем же тратить драгоценную валюту, если напиток можно купить и здесь, за советские «деревянные»? Когда конструктору сказали об этом, он возмущённо замахал руками и заявил, что то, что продаётся у нас под названием «Шартрёз», не имеет *ни-че-го* общего с благородным и легендарным напитком, который, как ему доподлинно известно, делают монахи картезианского монастыря. «Я, может быть, всю жизнь мечтал выпить настоящего «Шартрёза», – признался он. «Что ж, – вздохнули бабки на нашей кухне, – когда вернёшься из Парижа, расскажи, что это за «Шартрёз» такой». Увы, рассказ о чудесном напитке услышать от него нам так и не довелось, потому что из Франции сосед наш не вернулся. Он, как говорили вражеские «голоса», «выбрал свободу», или, как говорили тогда у нас, «предал Родину, продался Западу за джинсы»... Оставив свою жену и некрасивую дочь доживать век в коммуналке... Вообще, говорили разное, но я-то точно знала, что он продался

вовсе не за джинсы, не за отдельную квартиру, а за глоток «Шартрёза». «Шартрёз» – это для меня не просто алкогольный напиток. Это моя мечта.

– Посмотри, – Ирина показала ему на бутылку ликёра. – Дата 1605 год – это ложь. Потому что в этом году ликёра «Шартрёз» на свете ещё не было.

– Да? – равнодушно удивился Андрей и, помолчав, спросил глуповато:

– Извините, а как вас зовут? (он не помнил, называла ли она уже своё имя ему).

– А зовут меня Ириной.

– Ирина, скажите, пожалуйста, а зачем я вам понадобился? Если скажете, что дело только во французском языке, я не поверю.

– Просто ты похож на французского монаха... Есть в твоём лице какая-то стёртость, невнятность, как у этих, западных...

– Ну хорошо, ну а зачем мне быть похожим на французского монаха? – Андрей захмелел от 60-градусного ликёра, его рот сводило от крепкого монашеского зелья. Он смотрел на хозяйку, ожидая ответа, но она встала, подошла к стене, чуть поправляя узкую юбку, нажала кнопку у стены, отчего сверху зашуршало и на противоположную стену поехал белый экран.

– Кино, что ли? – спросил Андрей с нетрезвым вздёргиванием головы.

Ирина не отвечала, продолжая свои действия.

– Чё всё молчите-то? – куражисто спросил смелый от ударившего в голову алкоголя Андрей.

В комнату вошёл высокий молодец в чёрном костюме и вышколенными, как у официанта, жестами устроил на столе у Ирины серебристого цвета аппаратик.

Подождав знака хозяйки, слуга включил аппарат и погасил большой свет.

Фильм про ликёр «Шартрёз»

Зазвучала музыка и на экране показались горы, поросшие густым непроходимым лесом. Среди высоких сосен и лиственных деревьев камера разыскала монастырь: каменное здание старинной кладки. Как орлиное гнездо на вершинах меловых скал оно нависло над ущельем, поросшим лесом с природной наивной доверчивостью, которая сегодня кажется глупой нерациональностью.

«Во Франции, под защитой горных массивов, куда не удавалось пробраться никаким войскам, стоит монастырь картезианцев. Орден известен своей молчаливостью и строгими правилами монастырского послушания. (Мужской голос за кадром читал текст с лёгким французским акцентом).

В 1605 году маркиз де Кевр маршал Франсуа Аннибал д'Эстре передал в картезианский монастырь *Гранд-Шартрёз* загадочный, секретный манускрипт – рецепт «Эликсира долголетия». По одной из версий, он нашёл этот рецепт среди имущества сожжённой в средние века ведьмы.

Полен Герен. «Маршал Франсуа Аннибал д'Эстре (1573—1670)». 1838

Монахи-картезианцы не сразу поняли, что за чудесный подарок сделал им маршал д'Эстре, сам доживший до глубокой старости благодаря ежедневному употреблению эликсира. Рецепт долго валялся, забытый, среди других бумаг в комодке настоятеля картезианского ордена, пока монастырский аптекарь Жером Мобек не заинтересовался его содержанием. И только через 130 лет после того как рецепт оказался у монахов, в 1737 году монастырь начал производство лечебного эликсира, который быстро оценили жители ближайших городков – Гренобля и Шамбери.

Ещё через почти 30 лет, в 1767 году, монахи на основе всё того же манускрипта французского маршала научились делать знаменитый ликёр – зелёный «Шартрёз», который зовётся *ликёром здоровья.*»

На этом месте голос диктора замолк и на экране показалась галерея разноцветных бутылок – зелёных и жёлтых, с этикеткой «Шартрёз». Долгая демонстрация монашеского ликёра убедила Андрея, что фильм произведён с рекламными целями.

«В 1793 году, во время Французской революции, монахи были разогнаны (заиграла «Марсельеза» и раздалась пушечная канонада). Производство было приостановлено, но рецепт удалось сохранить в секрете. Преследуемые и гонимые, братья-монахи передавали его друг другу.

Последний из них, его звали брат Базиль Нантас, находясь в тюрьме в Бордо и опасаясь распада ордена, доверил рецепт гренобльскому фармацевту Лиотарду (на экране появилось рисованное изображение аптекаря – почти карикатура). Аптекарь этот был то ли труслив, то ли жаден, но он предал доверившегося ему монаха.

В соответствии с существовавшим тогда императорским рескриптом «о тайных снадобьях», рецепт был передан в министерство внутренних дел Наполеона I, а затем опять вернулся к фармацевту с пометкой «отказано», так как государство сочло производство лечебных средств по этому рецепту нецелесообразным. Но справедливость восторжествовала. После смерти Лиотарда рецепт вернулся в монастырь *Гранд-Шартрёз*, который в 1816 году восставили монахи. И производство ликёра продолжилось.

Изгнанные из Франции в 1903 году, картезианцы увезли с собой рецепт и открыли новое производство в Таррагоне в Испании, где они обосновались. Новый винокурный завод был построен в нижней части города, около порта и вокзала. Ликёр выпускался с тем же именем

и с такой же этикеткой, но на ней была добавлена надпись «ликёр, изготовленный в Таррагоне Отцами Картезианского Ордена». Этот ликёр получил во Франции прозвище «Таррагона».

Имущество картезианских монахов во Франции было конфисковано, но французское правительство неоднократно пыталось вновь открыть производство и воспроизвести рецепт, однако все попытки были неудачными, и в 1927 году предприятие оказалось на грани банкротства. Тогда местные бизнесмены выкупили его акции по очень низкой цене и отправили в подарок Картезианским монахам в Таррагону. Это позволило им вновь использовать название «Шартрёз» в Испании. Тем временем, вернувшиеся во Францию картезианцы, с негласного согласия правительства, открыли в 1921 году производство в Марселе, где они изготавливали ликёр, который называли «Таррагона».

После Второй Мировой войны французское правительство отменило закон об изгнании и монахи получили юридический статус французских жителей.

В 1989 году производство в Таррагоне было остановлено и, начиная с этого момента, ликёр эксклюзивно производится во Франции, в Вуароне, с использованием смеси растений и трав, которую заготавливают два монаха аббатства *Гранд-Шартрёз*. Точный рецепт монахи хранят в секрете, он не может быть запатентован и позволяет сохранить монополию на производство напитков за Картезианским Орденом. Начиная с 1970 года права на производство и распространение ликёров монахи закрепили за обществом «*Chartreuse Diffusion*».

В конце фильма очень аппетитно была представлена открытая бутылка «Шартрёза», из которой в маленькую рюмку наливали зелёный густой ликёр.

IV

Андрей всё это время старался понять, что за связь французского ликёра с ним – человеком из русской провинции. Своеобразный ум его почти разгадал и подсказывал, что дело, для которого его пригласили, может быть самым невероятным. Но Андрей гнал эти мысли от себя, не зная, как ему даже принять такое предположение.

Ирина, пересела на соседнее кресло и спросила Андрея:

– Ты всё ещё не понял, зачем я хочу послать тебя во Францию?

– Украсть рецепт «Шартрёза», что ли? – спросил сходу Андрей и удивился тишине в ответ.

Оторвав взгляд от узоров на паркете, он наткнулся на очень внимательные глаза женщины.

– А ты смог бы? – так интимно спросила Ирина, что Андрей заволновался. Он ощутил тяжёлое, вкрадчивое очарование этой сумасбродной барыни, которое невозможно отринуть, чтобы не пропустить что-то важное в жизни.

Но пересилило чувство самосохранения. И здравый смысл.

– Нет, я не могу... Я никогда такими делами не занимался. Я... Я – *пукинист*, я хочу создать музей...

– А ты один живёшь?

– Один, мать вышла замуж и уехала в Гатчину, пока я в армии был. Живут там с отчимом моим.

– Нравится работать завклубом?

– Я понимаю, под что вы подводите, Ирина... бедный завклубом размечтался создать музей... да ещё в 1995 году, когда денег на макароны нет у иных.

– Давайте ужинать, раз о макаронах вспомнили...

Она встала, пошла к двери в глубине зала и он невольно проводил её взглядом.

Она была среднего роста, гибкая, но не худая, с лёгкой походкой, тяжеловатыми руками, на которых тёмными кровавыми когтями пугали приклеенные ногти.

«Может ли эта красота спасти хоть её саму-то, не говоря уже о всём мире?» – усмехнулся сам себе Андрей, вставая вслед за ней.

Ужин

В зале, куда он последовал за ней, был уже накрыт стол на двоих. Горели свечи в тяжёлых подсвечниках. Хрустальные массивные бокалы, сверкающие приборы, тихая музыка, запах духов, красота хозяйки и её недоступность для него, сковали его неприятной плебейской робостью.

От этой робости он как будто и перепрыгнул в другое измерение. Разозлился на себя, на свою нищету и убогость, и принял эту игру: позволил себе пожить по-другому. Пусть на один вечер. Забыл о своей бедности, о своих рваных ботинках, о деревянном клубе в Суйде.

– Выпьете вина? – предложила Ирина.

– Да.

Она сама налила и подала ему бокал с тёмно-красным вином. Рука её была при этом слишком красиво выгнута.

Андрей, понимая все эти мещанские приёмы хозяйки, был помимо своей воли очарован ими. Так же, как очарован красивым столом, закусками, посудой, серебряными приборчиками на жёсткой льняной скатерти.

– Вам нравится это вино? – спросила Ирина.

– Хорошее.

– Урожай 1982 года, Бордо. Помните у Пушкина: *«Но ты „Бордо“, мой верный друг...»*

Стихи и вино – вот окружение поэта.

– И женщины... – Андрей удивился сам себе.

Ирина не обратила внимания. Они оба с аппетитом принялись за горячее мясо.

– Представьте себе, – красиво отрезая кусок запечённого мяса, говорила Ирина, – что Александру Сергеевичу вдруг предложили бы такое опасное и интересное приключение, которое хочу предложить вам я. Поехать во Францию, в монастырь и подсмотреть там секреты знаменитого на весь мир ликёра. Согласился бы он?

– Нет, Пушкин был человеком чести. Подсматривать или воровать что-то было не в его натуре, – энергично жевал свой кусок чуть захмелевший Андрей.

– Но это не воровство! Подсмотреть рецепт – это приключение. В 21 год мужчина должен быть способен на безумные поступки. Иначе он чего-то никогда не поймёт и не увидит в самом себе. Может быть проморгает свою гениальность... Иногда какой-то случай открывает в натуре человека нечто забытое, закрытое за ненадобностью...

Андрей задумался.

– А что бы во мне мог открыть «Шартрёз»? Да ничего... Я уже всё про себя знаю...

– Чем больше я знаю, тем лучше понимаю, как мало я знаю, – Сократ что-то такое сказал.

Андрею стало смешно.

– Ирина, простите меня, но вы вообще-то понимаете, что вы задумали какую-то фантазмагорию?! Украсть рецепт «Шартрёза»... Это просто своеволие богатой красивой женщины, которая не привыкла отказывать себе ни в чём. Играете в Настасью Филипповну.

Ирина усмехнулась:

– Как раз привыкла отказывать себе во всём – лучшие годы прожила в бедности. А скажите мне, пожалуйста, добрый человек: а что толку себе постоянно отказывать! Для чего тогда жить на этом свете? Как проявится моя жизнь для меня самой, если мои заветные мечты я буду прогонять прочь?

Она заметно пьянела: они начали уже вторую бутылку.

Кто открывал бутылки, кто менял блюда на столе, – Андрей не мог потом вспомнить. Ему казалось потом, что никого в комнате не было, кроме них – двоих.

– Почему «истина – в вине» знаешь? Я тебя сейчас не как владелица алкогольного бренда спрашиваю... Истина в вине, потому что только выпив вина, люди позволяют себе стать самими собой. Все самые сокровенные разговоры – под бокал вина или рюмку водки. Мир сегодня постепенно становится скучным, однообразным, из него уходит вера в чудо, поэтому мы – русские спиваемся постепенно. Нам претит мерная, трезвая рассудочность. Мы – нация детей. Мы открыты миру, а мир... А пошёл этот мир! Ты сказал: «фантазмагорический проект». А почему бы мне не позволить себе фантазмагорический проект? Я умирала от тоски, ходила по психоаналитикам, пока не придумала проект «Шартрёз»... Это сказка, я приглашаю тебя в ней участвовать... Хочешь?

– Хочу, – вдруг неожиданно для себя брякнул Андрей.

– Знаю, что хочешь. Сразу поняла. Боишься, – у Ирины покраснело лицо от «Бордо». Она помрачнела. – Все вы – *ссыкуны*. Смерти, *блядь*, бояться. А всё равно когда-то придётся...

Она была очень хороша в этот момент – искренняя, глуповатая даже. Андрей увидел, какие красивые у неё глаза: кошачьи, зелёного цвета. Из глубокого декольте видна была полная грудь.

– Я не смерти боюсь. Я бесчестия боюсь, понимаешь! – перешёл на ты, обидевшись, Андрей. – Поймают как вора, посадят в тюрьму, будут допрашивать...

– Никто тебя не посадит! – стукнула кулаком по столу Ирина. – Всё уже продумано до деталей. Тебя даже не могут заподозрить ни в чём – монахи туристам всё сами показывают.

Только этим туристам нет дела до рецептов – они туда едут ликёра купить подешевле и хватать потом, что посещали заводик *Гранд-Шартрёз*. А ты просто ходи и подсматривай. И это всё, что от тебя требуется!

Уже почти заинтересованный, Андрей спросил:

– Ирина, но неужели никто не пытался украсть рецепт? За шесть веков?

– Пытались. Но удалось только одному – поэту, бродяге, монаху, магистру Сорбонны и по совместительству предводителю воровской шайки Франсуа Вийону. Вийон узнал о таинственном манускрипте с рецептом ликёра долголетия во время турнира поэтов при дворе герцога Карла Орлеанского. Он одержал победу в этом турнире, а между делом раздобыл текст секретного рецепта. За это по приказу орлеанского епископа Франсуа Вийон был лишён сана и брошен в тюрьму города Мен-на-Луаре.

Уже на рассвете Андрей был доставлен на том же «Вольво» в свою избушку, где его, спавшего в пальто и ботинках на диване, нашла мать, привезшая сыну из Гатчины свежего горохового супа.

V

Мать: Я не привозила тебе горохового супа. Я привезла тогда котлет. Я хорошо помню тот день, потому что именно начиная с того дня ты стал каким-то чужим.

Сын, в сторону: И всё-таки она привезла гороховый суп, который я не смог есть. *Матери:* Может быть я забыл, что ты привезла, но помню что есть я всё равно не смог. Меня тошнило.

Мать: Ты был бледный как стена. Я испугалась, что ты попал в плохую компанию...

Сын: Я и попал в плохую компанию...

VI

Терпеливая женщина не стала ругать сына – она хорошо знала его натуру, уверенная, что алкоголизм вовсе не его скользкая дорожка. Но вот если он влюбится в непорядочную девицу – такой вариант его мать допустить могла... И боялась, что чистота его сына рано или поздно падёт перед кознями пустоголовой красотки. Его дед и отец были слабоваты к красивым и дерзким бабам.

Андрей спал до позднего обеда, встал всклокоченный и невесёлый. Всё ему было тошно. И суп, и лицо матери, в котором он читал укор.

– Мам, ну не сердись, – выдавил он из себя. У них была семейная привычка не продлевать размолвок.

– Да, я разве сержусь? У кого хоть так напился-то? Сейчас столько народу травится от китайского спирта – они туда для объёму льют что-то смертельное. Осторожнее... Если с тобой что случится, я не переживу, сын, ты знаешь...

– Мам, я наоборот пил лекарство – «Шартрёз» – ликёр французский, который помогает от 130 болезней...

– Это как шведский бальзам этот, «Биттнер», что так сильно рекламируют сейчас?

– Вроде того... – согласился Андрей.

Когда мать ушла, Андрей пошёл открывать клуб, и пока молодёжь топталась под громкую музыку, он сидел сбоку от сцены и размышлял о предложении Ирины. Дело это было некрасивое, подлое. Оно могло закончиться тюрьмой или даже смертью. Но какая-то часть его существа обрадовалась даже такому вороватому делу, потому что, оказывается, столько в нём – Андрее – накопилось отчаяния и бессилия от насмешек людей богатых, просаживающих за ночь в ресторане денег побольше, чем нужно было на музей Пушкина в Суйде. Незнакомое ему самому чувство отчаянной решимости вдруг заговорило с такой силой, что он уже был готов ехать в монастырь в далёкой Франции, воровать и подсматривать и уже почти боялся, что Ирина передумает и подыщет себе кого-то другого.

Прошло два дня, но Ирина не объявлялась. Андрей начал работать над статьёй для журнала «Музеи России» и всё происшедшее той ночью – и ужин со своей женщиной и разговоры о «Шартрёзе», казались фантастическим сном, который прошёл – и слава Богу.

VII

Мать: Стучат или мне показалось?

Сын подходит к двери, открывает небольшое окошечко, принимает оттуда металлические судки, пакеты с хлебом, с фруктами, ещё свёрток с полотенцами и простынями. Объясняет матери:

– Это нам братья приносят еду и вообще всё, что ни попросишь – свежее бельё, свечи, мыло, одежду.

Мать: Ты им заранее говоришь, что тебе нужно?

Сын: Мы здесь не говорим между собой. Я им пишу записку. В прошлый раз я написал, чтобы мне дали еду и для тебя.

Мать: Ждал меня, Андрюша!

Сын: Давай кушать. Ты наверное уже проголодалась.

Мать: Давай поедим. Что там принесли?

VIII

Через два дня, возвращаясь поздним вечером после закрытия клуба, возле своего дома Андрей увидел автомобиль, возле которого прохаживался Сергей – знакомый ему охранник Ирины. Сердце Андрея застучало от волнения. Приблизившись к машине, Андрей увидел Ирину – она была в салоне автомобиля, красивое лицо её наполовину скрыто меховым воротником, что вызывало ассоциации со светской дамой, приехавшей на тайное свидание к своему возлюбленному.

Андрей встал, как вкопанный, не зная, что сказать или как себя повести.

Ирина открыла дверь салона.

– Ну, теперь твоя очередь пригласить меня в гости.

Он открыл калитку и пригласил войти, сознательно не застыдившись своей лачуги («сама же приехала!»).

Ирина вошла одна, знаком оставив охранника на улице. Тот уселся в машину, включил радио и усилил отопление.

Ирина, войдя в дом, подошла к картине висевшей на стене в зале: «Это же Кипренский?»

Орест Кипренский. «Портрет А. С. Пушкина». 1827

– Да, эскиз к портрету Пушкина.

– Оригинал?

– Да, конечно, это оригинал: на копиях музеев не создашь.

Чувствуя её искренний интерес, он стал показывать ей другие работы, картины, альбомы уездных барышень, вышитое полотенце няни Пушкина – экспонаты для будущего музея. Достал даже свою драгоценность – посуду, из которой няня Арина Родионовна кормила маленького Пушкина.

– А это знаменитый ганнибаловский сундук, – увлечшись Андрей вытащил из кладовки серый, обитый металлическими гвоздями дорожный сундук.

– Чем же он так знаменит? – Ирина скептически рассматривала потёртый ящик.

– Это один из самых легендарных экспонатов моего будущего музея. Как гласит старинное предание, он когда-то принадлежал Абраму Петровичу Ганнибалу или его ближайшим потомкам. По преданию, именно в этом сундуке Ганнибал привёз в Суйду «чёртовы яблоки» – диковинный картофель и первым в Санкт-Петербургской губернии стал усердно разводить его в своём поместье. Его опыту последовали и другие местные помещики. Отвечая на анкету *Вольного экономического общества* по вопросам хозяйственной деятельности в 1765 году, А. П. Ганнибал сообщал: «До сего времени земляные яблоки не имелись и не были известны... А на мызе у меня показанные яблоки давно имеются и для домашнего расхода довольно родятся». Сундук этот – семейная реликвия, которая переходила из поколения в поколение по наследству. В. И. Горенков, подаривший мне сундук, утверждал, что его род ведёт свою родословную от «Арапа Петра Великого». Из архивных документов удалось установить, что родоначальником семьи Горенковых действительно является внебрачный сын Ивана Абрамовича Ганнибала, старшего сына арапа Петра Великого. Этот внебрачный внук арапа – крестьянин села Воскресенское, впоследствии сельский староста Данила Абрамов, который родился в 1778 году. Его сын Пётр Данилов в документальных источниках конца 30-х годов XIX века впервые упоминается под фамилией Горенков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.